



Кругозор

3  
1964





ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ  
ЗВУКОВОЙ ЖУРНАЛ

М. СВЕТЛОВ

Будь это гром, будь это тихий танец,  
Нас уголочки всей земли зовут,  
И на плечах всегда походный ранец,  
И соловьи за паузой поют.

Припев:

Постой, постой, ты комсомолец? Да!  
Давай не расставаться никогда!  
На белом свете парня лучше нет,  
Чем комсомол шестидесятых лет.

Мы и бригадой и семьею тесной  
Встречаем вместе радость и беду,  
Чтоб не одну о нас сложили песню  
В каком-нибудь двухтысячном году.

Припев.

И глубь земли и ширь небесных странствий  
Ты на высокой скорости пройдешь,  
И скажет Космос: «Кончилось пространство,  
Куда еще ты, комсомолец, прешь?»

Припев.

Готова наша юность к наступлению,  
Быть впереди и я и ты привык.  
Не комсомольцем к новым поколениям,  
Ты к ним придешь, как старый большевик!

Припев:

Постой, постой, ты комсомолец? Да!  
Давай не расставаться никогда!  
На белом свете парня лучше нет,  
Чем комсомол шестидесятых лет.

Рисунок  
А. ВРУСИЛОВСКОГО



Пароход «Фридрих Энгельс» отходил от иркутского причала. На палубе стояли люди. Было тихо. И только откуда-то с нормы слышался голос. Подходим ближе. Облокотившись на перила, стоит старичок. Рядом две девушки.

— Глядите, глядите, рыбища плеснула. Таймень! Ростом в полпарохода... Эх, Ангара, река-кудесница, река-колдунья!..

— Колдунья?

— Колдунья, — утвердительно сказал старик. — Она ведь черт-те что с человеком сделать может... Захочет — тебя в рыбачью превратит. А тебя — геологом сделает, а его, вон того парня кудлатого, возьмет и сделает большим начальником.



## ПЕСНИ

— Да как же это?

— Вот ты на Ангаре, не отрываясь, глядишь, а почему?.. Да потому, что она уже свое дело сделала — заманила. А дальше не то будет...

Всю ночь с верхней палубы парохода неслись звуки балла. Девчонки, которых, как выразился старик, уже околдовала Ангара, танцевали до самого рассвета. А огромные сибирские звезды, заглядываясь на девчат, срывались с неба и падали, казались, на самую норму.

Многих околдованных парней и девчат встречали мы на своем пути.

Иван Скрыпников, комсомольский работник Братска, пришел к нам на турбазу:

— Есть революционное решение — съездить на ЛЭП.

Выяснилось, что туда, на линию электропередач, ехать далеко, там трудно собрать на концерт людей, работающих в разных углах. Но все поняли: без поездки на ЛЭП нельзя дальше жить.

Едем! Но как там выступить, — ведь на ЛЭПе нет пианино? И в гостинице появился аккордеон. Композитор Пахмутова разучивала свои песни на новом для нее инструменте.

...Окончен концерт, спеты все песни, выслушаны рассказы ребят-лэповцев. Возвращаемся в Братск. Машины идут через тайгу по узкому коридору дороги. Кругом тьма. И вдруг знакомый голос:

— Есть революционное решение — остановить машины.

— Зачем, Ваня?

— Хочу, чтобы вы послушали тайгу.

Сосны стояли, прижавшись друг к другу. Казалось, и птица не сможет залететь туда. Прямо на вершины упало небо. Стояла какая-то немислимая тишина. Тогда, в эту ночь, мы и приняли революционное решение — написать песню о Лэпии, об удивительной стране. Мы сели писать слова, Пахмутова — музыку. Как мы выполнили это, судите сами. О песнях «ЛЭП-500» и «Девчонки танцуют на палубе», о людях, которым они посвящены, рассказывает Александра Пахмутова. Песни исполняют: Ю. Пузырев, И. Кобзон, В. Кожно.



Н. ДОБРОНРАВОВ,  
С. ГРЕБЕННИКОВ



## СТРАНЫ ЛЭПИИ



# Моя Красная площадь

Галина ШЕРГОВА



ожалуй, на земле есть единственное место, где за полчаса можно прожить сто жизней. Это — Красная площадь.

Путеводители сообщают о ней: это центр государства, это памятники истории, красивейшее место Москвы.

Карманная энциклопедичность путеводителей лаконична и точна. И все-таки лишена живого дыхания.

Разве в комнате, где ты вырос, любил, терял близких, предметы имеют только прямой смысл? Стол — просто стол, фотография — просто фотография, книги — просто книги? Нет. Это теплые связи бытия и памяти.

Красная площадь — наша общая память. И оттого здесь твои личные воспоминания и раздумья обретают продолжение в других людях так, будто ты сам переживал это.

Я часто прихожу сюда, хотя знаю наизусть строгие черты ленинской усыпальницы, сторожевые башни Кремля, нетающий иней шатров Исторического музея, пестроголовый храм Василия Блаженного... Прихожу и смотрю на прохожих.

Вот у ленинского Мавзолея пожилая женщина прищипала взглядом к кремлевской стене. И мне кажется, что я вспоминаю вместе с ней:

«Революционная площадь хоронит героев Октябрьских боев. Пятьсот алых гробов пронесит площадь над головами толпы. А я смотрю на один. На скрещенных винтовках плывет гроб моей подруги Люси Люсиновой. Московскую студентку, большевистскую связную хоронят, как солдата... Кремлевская стена, революционный некрополь... Прах наших товарищей, бойцов и знаменосцев партии вошел в этот камень, и, прикасаясь к камню, мы точно чувствуем их плечо...»

Потом я вижу другого человека. Он сосредоточенно мерит площадь шагами. Так ходит по цеху мастер. И шаги передают мне его мысли:

«Здесь, по этой брусчатке, шел мой трактор. И тогда, в годы первых пятилеток, мы приносили нашей площади все, что научились делать. «ДИ — даешь индустриализацию!» — говорили мы тогда... Шел трактор, а ветер все рвал полотнище, прикрепленное к кабине. И я придерживал плакат ру-



ЭХО СТОЛИЦ



кой. «Есть 144 — будет и больше!» — написано на нем. 144 трактора на всю страну... Но свои! Нами сделаны!»

Люди проходят мимо. Останавливаются. Еще и еще. И отдают мне свой раздумья. Безмолвно и доверительно. Женщина в зибко запахнутом пальто. Мне кажется, я знаю о ней все, хотя



Грампоры  
на дереве  
Ю. КОСМЫННА

ни за что не решилась бы заговорить с ней, — такое у нее сейчас лицо.

«В то утро, 7 ноября 1941 года, шел снег и было морозно. С рассвета были сирены тревоги, а потом был Октябрьский парад. Вся площадь была одета в солдатские шинели. Даже кремлевские звезды в маскировочных чехлах казались мобилизованными. Солдаты уходили с площади прямо в бой. Мой муж шел крайним в шеренге, и я видела, как снег падает ему за воротник шинели.

Когда они вернулись на парад Победы в сорок пятом, было лето. И шел дождь. Муж не был крайним в шеренге. Он уже больше не увидел, как идут дожди. И все-таки, когда солдаты швыряли у Мавзолея фашистские знамена, я почувствовала свою сопричастность к этому мигу и одиночество отпустило меня...»



Мужчина стоит, закинув голову, точно прислушиваясь к чему-то. Так слушают голоса памяти.

Наверное, думаю я, захлебывающийся фальцет пионерских горнов разрезал время, и человек снова услышал его. Услышал, как в день давней пионерской клятвы на этой площади. И вспоминает...

«А через неделю здесь был митинг единства с борющейся Испанией... Я все время трогал прищипку своей испанки и, вскидывая руку, шептал: «No pasarán!» Мне казалось, что эхо повторяет мой шепот у холмов Гвадаррамы и я сам умираю на мадридской мостовой, прощаясь с товарищами на незнакомом языке...

Уже позднее и понял, что тогда впервые ощутил кровную принадлежность к международному



братству коммунистов, которую чувствую всякий раз на этой площади. Мне она кажется каким-то полюсом человеческой надежды, где сходятся земные меридианы...»

И вдруг горни запевают рядом. Запевают слишком известными, чтобы быть памятью. Новые мальчишки и девочки идут по площади. У них еще нет воспоминаний. Только предвкушение будущего.

«Разве важно, что не сама я пережила все это наяву? Нет. Ведь на Красной площади и — это не только я. Каждый из нас — частица того, что заключено в сильное и необъятное слово — народ.

Оттого в наших сердцах, во мне, как и в тебе, никогда не затихает эхо Красной площади.





— ВЛК — это врачебно-летная комиссия...  
...Заключение ВЛК: «К испытаниям допущена».

●  
Готовлюсь к эксперименту в сурдокамере. Прочитала: «Американский доктор Гебб помещал в такие одиночки здоровых людей.



КОСМИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК  
НАШЕГО  
СПЕЦИАЛЬНОГО КОРРЕСПОНДЕНТА

...Листаю блокнот и вспоминаю, как все началось.

Научно-исследовательский институт.

- Сколько вам лет?
- Двадцать восемь.
- Вы замужем?
- Да. У меня уже дочка.

●  
— Вам нужно пройти ВЛК.  
«ВЭ ЭЛ КА, ВЭ ЭЛ КА», — повторяю три буквы. Что это такое? Не знаю. Почему-то вспоминаются гайдаровские РВС.

Утром — у проходной. У обычной проходной, как на любом заводе или в институте. Люди спешат на работу. Предъявляют пропуска. Звоню. Встречает хорошенькая девушка Галя.

Оставлял их там отдыхать и очень скоро получал.. сумасшедших». Завидная перспектива!

●  
Разговор с руководителем лаборатории Федором Дмитриевичем. «У нас в психологии существует такое понятие: «схема-тело». Мы привыкли считать частью своего тела одежду, которую носим, каблук, на которых ходим, квартиру, в которой живем. Но в условиях космического полета от многого придется отказаться. Значит, уже здесь мы должны приучать свой организм к другим условиям.

Люди привыкли общаться друг с другом, разговаривая, подтверждать свои слова жестами и мимикой. В сурдокамере человек один. Вы передаете отчетное сообщение

и не знаете, получила его Земля или нет. Не знаете, удовлетворила ли ваша работа тех, кто остался там, внизу...»

Лаборантка накладывает датчики. Последние указания, последние вопросы. На время испытаний мне присвоили позывной «Кругозор».

●  
Традиционное прощание с Землей. И вот дверь сурдокамеры хлопнулась. Заложило уши. Потом начало звенеть, как будто в тишину устремились звуки, накопленные за целую жизнь.

Осматриваюсь. Сурдокамера представляется мне космическим кораблем будущего. В таком корабле можно совершить групповой полет. Два отсека. Бытовой отсек напоминает мягкое купе в железнодорожном вагоне. Но тут еще есть электрическая плита, раздвижной столик для обеда, холодильник, люк для лица и белья. Все предусмотрено. Даже душ...

В рабочем отделении несколько пультов управления. Термометры, влагомеры, часы, аптечка, фонотостимулятор, черно-красная таблица для работы, физиологические растворы, несколько объективов телевизионных камер...

Очень медленно течет время. Чем же заняться? Изучаю расписание дня.

1. Подъем — 7.30.
2. Проверка связи — 7.30—7.35.
3. Туалет — 7.35—8.20.
4. Передача отчетного сообщения — 8.30—8.45.
5. Завтрак — 8.45—9.45.
6. Запись физиологических функций — 10.00—10.30.

7. Работа с черно-красной таблицей... Всего двадцать пунитов.

Мертвая тишина. Как в склепе. Начала читать газету. Трудно. Очень громко шелестят страницы.

В часов 30 минут. Время отчетного сообщения. Нажимаю на пульте синюю кнопку и еще раз синюю, белую, опять синюю и два раза белую. Это означает: «Самочувствие хорошее». То же самое повторяю вслух. Мне в ответ — звонкое, неземное молчание.

Закончена связь с Землей. Время завтрака. В банках — сосиски-малютки, язык (хорошо!), колбаса, черная икра (!!), сок (3 банки), спортивные галеты, хлеб. Жить можно!..

И. МОЖАЕВА

Следующий листок из дневника — третья звуковая страница



ПЕСНЯ НЕ ПРОЩАЕТСЯ С ТОБОЙ...



ЛИРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ АРКАДИЯ ОСТРОВСКОГО  
Музыка Л. НОСОВА



## «...ВСЕ КАК БЫТЬ СЛЕДУЕТ»

Из письма В. И. ЛЕНИНА

До Шушенского еще далеко, а на горизонте уже синее горная цепь. Я оглядываюсь вокруг и представляю, как майской ранью по разъезженной дороге добирался в эти сибирские «тартарары» ссыльный Владимир Ильич Ульянов. Ощущение снованности простора, суровой удаленности мест навевали ему поэтическую строчку: «В Шуше, у подножья Саяна...»

Ильич видел Саяны из окна дома, в котором квартировал. Рубленый еще декабристами из кондовой сосны дом стоит в тихом переулке, сбегаящем к реке.

Владимир Ильич писал сестре о Шушенском: «Село большое, в несколько улиц, довольно грязных, пыльных — все как быть следует. Стоит в степи — садов и вообще растительности нет.»

А ныне вламывается в село весна и солнце высвечивает сады, тонкие их запахи ветер мешает с разнотравьем степи. Сливы, абрикосы, вишни, яблоньки — зеленый разлив. И даже ночь не гасит зеленого свечения. Как и много лет назад, допоздна горит в ленинском окне зеленая лампа.

Керосиновую лампу Владимиру Ильичу привезла Надежда Константиновна. И уже не свет каганца слабо сочился в комнату, а светлое пятно из-под зеленого абажура ложилось на стопку писчей бумаги, намышовую ручку и склоненную над конторной голову минусинского изгнанника.

За три года ссылки Ленин написал более тридцати работ. «Разви-

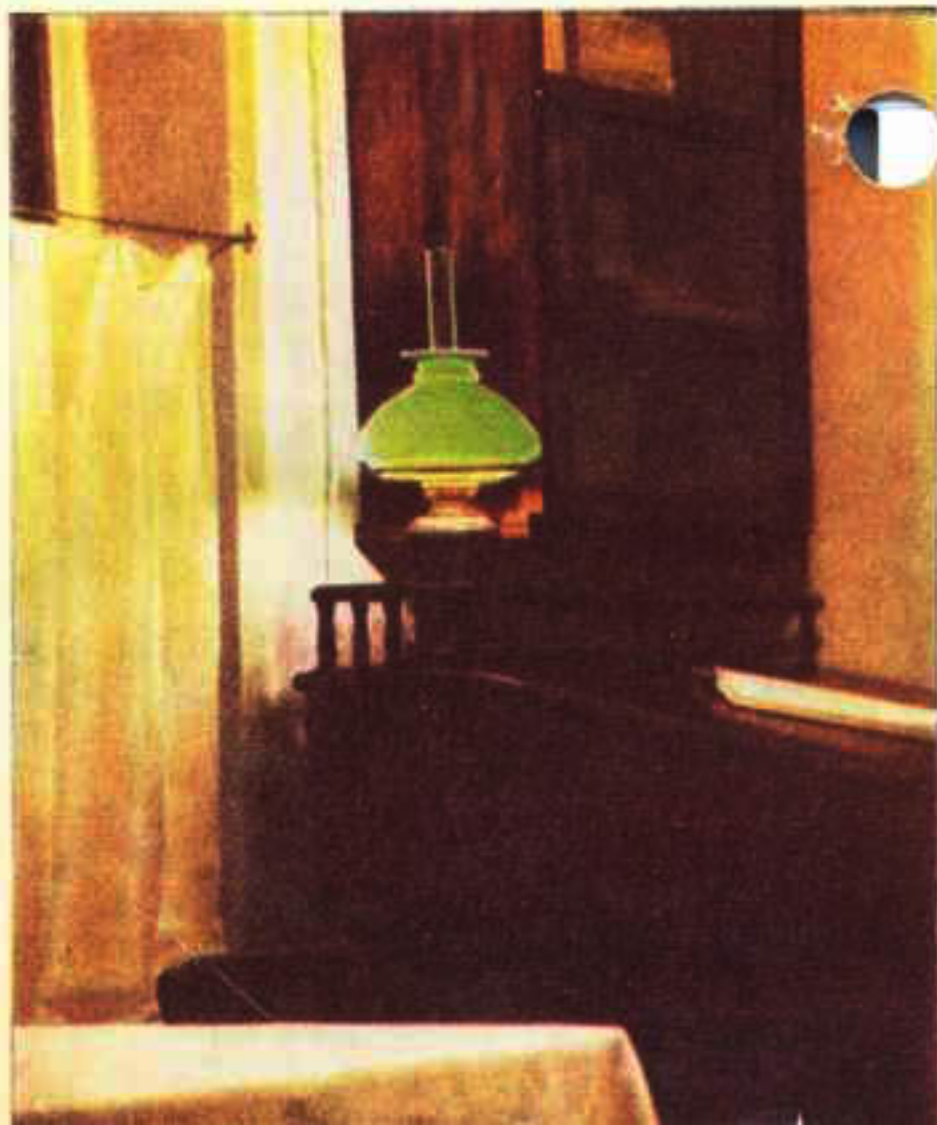
тие капитализма в России», «Задачи русских социал-демократов»... Любая из них способна украсить целую человеческую жизнь. А он все «страшно жадничает на время», — писала Крупская.

Крестьяне, жившие с ним рядом, не знали, что за конторкой под зеленой лампой пишется будущая биография народа, их, шушенцев, биография. Приходили к нему просто, советовались, просили помочь.

Судились как-то два шушенских богатея: скот Ермолаев забрал на поле Зацепина и потравил хлеб. Не желая платить штраф, Ермолаев всю вину перевалил на бедняка Проникова. О нежданной беде крестьянин рассказал Ленину. Владимир Ильич проинтовал



# ВСТРЕЧИ В ШУШЕНСКОМ



родственнику пострадавшего прошение в суд. К великому удивлению села Проников выиграл дело.

В музее я встретился с его племянником Василием Яковлевичем Прониковым. Партизан, дравшийся с Колчаком, он часто приходит с внуком в ленинский домик. В Шушенском и сейчас говорят: «Пошли к Ленину». Среди потомков неграмотного крестьянина, получившего юридическую консультацию у самого Ильича, немало учителей, зоотехников и двое юристов.

И снова на свет ленинской лампы идут люди, неся сюда раздумья, сомнения, будто и сейчас там человек, который разрешит их. И понимаешь председателя колхоза Г. Т. Тимакова, сказавшего:

— Помню, принимали меня в партию. Завтра в райком, а накануне, чувствую, тянет к Ленину. Походил по комнатам, посмотрел еще раз документы, книги...

Книги эти давно им прочитаны. А то, что пророчили их страницы, Тимаков сам пережил, проверил своей жизнью. Как-то, еще мальчишкой, повстречался на чужой





полосе со своим дядей, таким же, как он, батраком. Посочувствовал ему дядя: «Тан тебе, видно, и гнуть спину на других всю жизнь».

А лет через десять снова сошлись на той же полосе, теперь уже артельной. Старик пас не кулацких, а общественных жеребят. Гавриил Трофимович ходил в председателях колхоза. Вспомнили прежний разговор...

Все как быть следует...

Все здесь бережет памяти о Ленине. И сосны заповедного бора, где любил он отдыхать, и незаражающие над Шушью тропинки, и шалаш из старых горбылей на берегу озера, возле которого сиживал, и Журавлиная горка, откуда подолгу смотрел на синеющие вдаль снежные вершины Саян. Не в эти ли минуты видел он Россию электрической?

И вот уже бухают взрывы в Саянских горах. Берега Енисея готовятся подставить скалистые плечи бетонной плотине Саяно-Шушенской гидроэлектростанции. Онега электричества хлынет на просторы Сибири отсюда, где по-прежнему светит зеленая лампа.

Бор. МИХАЙЛОВ

Фото В. САККА

Шушенское,  
Красноярский край.







выглядели иначе, чем для них... Я хочу подгото-  
вить и записать песни, из которых сложится исто-  
рия последних десятилетий. Песни немецкого ра-  
бочего движения, героических борцов Испании,  
песни на слова Маяковского, Бехера, Тухольского,  
песни Джо Хилла. Пома могу петь, буду петь!

Берлин.

Генрих ГУРКОВ

## ПОЕТ

Эрнст  
Буш



Когда-то его называли поющим сердцем пролетариата.

Эрнст Буш! Какой он?

И это не очень представлял себе, когда ехал на улицу Генриха Манна в берлинский район Нидершенхаузен. Калитка дома № 16 открыта. Возле нее высокий, широкоплечий человек. Выразительное лицо, изрезанное морщинами, смешинки в уголках глаз. Эрнст Буш.

В его кабинете портреты друзей — Бертольта Брехта, Ханнеса Эйслера, Элены Вайгель. Книжки, аппаратура для звукозаписи. Буш подошел к проигрывателю. Зазвучала песня батальона Тельмана, песня немецких антифашистов, сражавшихся в Испании. В их рядах был Эрнст Буш.

...Во время боев за Мадрид в деревенской церкви собрались бойцы интернациональных бригад. Одни валились с ног и засыпали, едва голова касалась каменных плит пола. Другие сидели, опираясь на винтовки. В тот день франкисты в нескольких местах прорвали линию обороны республиканцев. К алтарю вышел Буш с гитарой. Он начал петь. Бойцы подтягивали. И вскоре в церкви гремела песня Тельманского батальона.

«Голос певца поднимает класс»... Да, именно таков голос Эрнста Буша.

Он достает с полки большую пластинку в нарядном бело-красном конверте. На обложке — джентльмен во фраке и дама в вечернем туалете с весьма смелым декольте выплясывают чарльстон. Пластинка выпущена в Западной Германии и называется «Золотые двадцатые годы».

— Это, — говорит Буш, — их рассказ. Они собрали здесь тридцать девять певцов и четырнадцать политических деятелей. Золотые двадцатые годы... Тогда у нас было семь миллионов безработных. Я хочу сделать нашу пластинку с нашими героями и с нашими песнями. Для нас двадцатые годы

Николай ГРИБАЧЕВ

Обмяк донец, устал водиться  
С зимой, чьи в белках рукава.  
И вот

прорезалась подица,  
Совсем беззвучная спелна,  
Всепластный шум поднять  
не силась,

А только нарождаясь неслать,  
Из-под сугроба просочилась,  
В живую нитку собралась  
И к позднему винтовкам нарезом  
В ручей

скрутилась на ходу.  
И вот щепка запахла лесом  
И вишней — вишенник в саду.  
И у лозы отводгла челна,  
И на окраине села  
В пальто распахнутом

девчонка  
Высокой бровью повела.  
И все, и тут конец покою:  
Рванулся трактор.

свистнул дрозд.  
И гром понесся над розою.

И дым  
поднялся от берез,  
И примеряясь к новой шире,  
Где вся сбегала белизна,  
От Спасской башни

до Сибири  
По всем сердцам  
пошла весна!





И вот прошла еще одна весна. Снег дольше всего лежал в лесах — плотными пластами подмоченного сахара. Набухали на березах бурые почки, ветер становился совсем шальным, пьяным.

Вам было некогда побывать в весеннем лесу? Жаль! Но мы попробуем возратить прошедшее с помощью Бориса Николаевича Вепринцева. Работает он научным сотрудником в институте, а на досуге охотится с микрофоном.

Нелегко выследить птицу или зверя, подойти к ним на расстояние в десять метров. Нужна удивительная выдержка. Но Вепринцеву охотничьего терпения не занимать... Прислушайтесь к позывным весеннего леса. В этой прогулке вас будет сопровождать большой любитель природы народный артист СССР Борис Чирков.

В. ВЕЕНЦЕВ  
Фото В. ГИППЕНРЕНТЕРА







## путешествие



Время изменяет все. Давно стала архаичной фигурка менестреля — странствующего музыканта с пожелтевшей старинной гравюры. Балетчица прекрасной дамы обернулась амфитеатром концертного зала, а сама она уступила место тысячеличному слушателю, который воспринимает музыку не как изящную интермедью, а как нечто жизненно необходимое.

Изменилась музыка, изменились музыканты. Пожалуй, в меньшей степени изменились их инструменты. Вот как эта виолончель с подписью мастера: «Лоренцо Сторioni. 1760 год...»

— Нет, не Амати, не Гварнери и не Страдивари. — Говорит Мстислав Ростропович. — Знаете, меняют по любви, так и инструмент выбирают. Люблю его, и все...

С этим своим спутником Ростропович объехал почти весь мир. Вернее, облетел, ибо менестрельные тропы в двадцатом веке пролегают и в воздухе.

Он выходил на сцену Большого зала Консерватории в Москве, Карнеги-холла в Нью-Йорке, зала Плейель в Париже, где исполнитель и лучает признание изощренных ценителей музыки. Его слушали енисейские рыбаки из Усть-Порта и Караула, которые в одну ночь достроили клуб, спеша познакомиться с Ганделем и Прокофьевым. Его слушали на Кубе, где в горах Эскамбрей, защитившись от паллящего солнца широким сомбреро, Ростропович играл рабочим сахарных плантаций «Танец огня» де Фалья. А когда морские индией флотилии «Слава», стоявшей в порту Монтевидео, попросили его выступить для тех, кто в море, Ростропович, оказавшийся в тот момент в Уругвае, охотно дал концерт на корабле.

— Да, — улыбается виолончелист, — в списке стран, где мне пришлось побывать, последняя цифра — 35. Немало. Но мне хотелось, чтобы эти поездки, в свою очередь, звали слушателей в увлекательное путешествие по стране Музыке.

И вот уже в течение многих лет Мстислав Ростропович взмахом смычка открывает перед своей аудиторией то лучшее, что было создано для виолончели композиторами прошлого и настоящего. Этот путь не всегда и не для всех прост.

## виолончелью

Михаил КОРШУНОВ

### ● РЕКЛАМА

Солнце опускалось где-то в горах. Небо оставалось еще светлым.

Над горами летел самолет. Рисовал длинную полосу. Чем выше уходил самолет, тем выше за ним

уходила полоса. Она была белой, ленистой. Напомнила полосу морского прилива.

Это самолет рисовал на небе море.

Когда он поднялся совсем высоко, то попал в красные лучи заката. Развернулся и сделал большое кольцо.

Кольцо получилось красного цвета.

Это самолет нарисовал солнце, которое опускалось где-то в горах.

Я вспомнил о необычных рекламах.

Их делают самолеты в небе Америки.

Специальными разноцветными облаками пишут названия фирм и товаров. Рекламируют духи, автомобили, галстуки, телевизоры, напитки, отели, бензоколонны.

И сейчас самолет, сам того не зная, тоже рекламировал. Он рекламировал солнце и море.





Поэтому Ростропович выступает не только с обычными концертами, но и с целыми сериями специально составленных программ. Последняя из них — «Три века виолончели». В этом цикле тридцать четыре концерта для виолончели с оркестром. Двенадцать из них, сочиненные Прокофьевым, Шостаковичем, Хачатуряном и другими композиторами, были написаны специально для Ростроповича и ему посвящены.

А теперь — звуковая страница, Лауреат Ленинской премии Мстислав Ростропович с ансамблем виолончелистов исполнит для вас фрагмент из «Бразильской Бахианы № 1» композитора Вилла Лобос. Но сначала вы услышите голос музыканта, с которым я встретился в Консерватории.

Артем ГАЛЬПЕРИН

Фото М. ОЗЕРСКОГО, В. МИДНОГО

## ● ЕЩЕ ОДНО МОРЕ

Это Черное море легко обойти вокруг. Можно постоять в разных городах — в Керчи, Одессе, Батуми, Сухуми или даже в Стамбуле, Констанце, Синопе. Города отмечены кружочками и надписями, как на географической карте.

Можно просто посидеть на Крымском полуострове, на берегу

Кавказа или Турции. Посидеть, опустив ноги в море.

Здесь не бывает прибой или шторма. Не бывает лунной дорожки. Нет маяков, бакенов. Здесь живут воробьи, а не чайки.

Это море сделано в парке, в Ялте. Глубина его сантиметров сорок. Это фонтан. И получилось так, что в Ялте два Черных моря: большое и совсем маленькое.

В большом Черном море плавают настоящие большие корабли.

В маленьком Черном море плавают корабли маленькие, не настоящие, бумажные. Их пускают дети. Еще здесь плавают детские цветные мячи, когда случайно залетают в воду.купаются кунлы и разные звери. Иногда попадают даже грузовики и трамваи.

И один маленький мальчик, обидевшись на своих друзей, которые уселись на Крымском полуострове и не оставили ему места, встал посредине моря и заплакал.



~~СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО~~

# ЭКСПРОМТ РАЗВЕДЧИКА

Документальный рассказ, окончание которого мы публикуем в этом номере, написан чекистом полковником \*\*\*. В годы войны он работал по заданию советской разведки в Абвере — разведывательном центре гитлеровской армии. В его «служебные обязанности», кроме всего прочего, входило и расквартирование в Берлине секретных агентов Абвера. Однажды подполковник Мельцер поручил автору рассказа встретить капитана Шварцбрука. Его должны были заслать в тыл Советской Армии, чтобы он вывел оттуда группу гитлеровских офицеров. Однако в день приезда в Берлин капитан Шварцбрук был убит во время налета авиации союзников на город. Воспользовавшись тем, что Шварцбрука никто в Берлине не знал, советский разведчик передал его документы подпольщику Мишелю. Мишель под именем Шварцбрука отправился на самолете в тыл Советской Армии.

Еще на аэродроме в Будапеште я получил зашифрованную радиограмму с борта самолета, в которой говорилось: гауптман Шварцбрук благополучно выброшен на парашюте точно в заданном районе. После этого я вылетел в Берлин. Там меня радостно встретили подполковник Мельцер и штурмбанфюрер Клётц.

— Отлично, — сказал Клётц, — я буду ходатайствовать, чтобы вас отметили.

Когда Клётц ушел, Мельцер обратился ко мне по-дружески на «ты»:

— Ты даже не знаешь, от какой неприятности меня избавил, отыскав этого капитана! Молодец!.. Да, кстати, — продолжал он, — я, наконец, выяснил, кто знает Шварцбрука лично: это лейтенант Крюгер. Но он, правда, далеко вато, он в русском тылу, в той группе, куда направился Шварцбрук. Вот будет встреча!

Я заставил себя улыбнуться, хотя мне показалось, что потолок подземного бункера, где мы сидели, опускается на голову.

Окончание. См. «Кругозор» № 1.

В тот же вечер, используя свои каналы связи, сообщил обо всем в Москву. Начиналась крупная игра, как у нас говорят.

Угроза нависла над судьбой Мишеля да и моей тоже. Правда, за себя волновался меньше. За время службы в Абвере я подготовил варианты на случай внезапного провала. Но меня беспокоил исход операции. Она была очень важной. Цель ее сводилась, конечно, не только к тому, чтобы разгромить в нашем тылу группу гитлеровцев. Это можно было бы сделать и без Мишеля. Из документов, найденных у убитого Шварцбрука, мы узнали, что в состав группы входят люди, подчиненные непосредственно разведывательному центру «Цепелин-зюд». Его деятельность нас очень интересовала. Поэтому важно было не только захватить этих людей, но и узнать как можно больше о системах связи, об их агентуре, методах работы. Мишель и должен был помочь нашей контрразведке.

Должен сказать, что «Цепелин» неплохо подготовился к своей операции. Руководители гитлеровской разведки точно использовали тогдашнюю обстановку. Советская Армия быстро наступала, в ее тылу тянулись по дорогам колонны пленных немцев. Гауптман Шварцбрук, опытный разведчик, должен был вывести группу из-под Майкопа к Ростову. Гитлеровская разведка подготовила для него удостоверение на имя лейтенанта конвойных войск МВД. Несколько гитлеровцев, знавших русский язык, должны были переодеться в советскую форму и вместе с «лейтенантом» конвоировать «пленных». У Шварцбрука были припасены бланки советских документов, печати, штампы. С их помощью он мог получать продовольствие и даже вагоны на железной дороге.

Все это находилось теперь в руках мнимого Шварцбрука — у Мишеля. Но неожиданное по-



явление этого лейтенанта Крюгера путало все карты.

По моей инструкции Мишель, попав в заданный район, должен был прежде всего связаться с советской контрразведкой, а уж потом явиться в группу. На этом я и стал строить свой расчет. Попутно пытался выяснить, кто такой лейтенант Крюгер. Он оказался двадцатисемилетним офицером. Начальство считало его репутацию безупречной, и несмотря на то, что в группе были старшие офицеры, основные задания возлагались на Крюгера. Все это я тоже сумел быстро передать в Москву.

В огромном напряжении прошло несколько дней. Здесь, в подземных бункерах Абвера, дни казались месяцами. Подполковник Мельцер по-прежнему был крайне расположен ко мне.

Через неделю к нам снова зашел штурмбан-фюрер Клётц. Он был навеселе.

— Признайтесь, — сказал он мне, — вы разыграли нас тогда со Шварцбруком.

— Не понимаю вас, — спокойно ответил я.

— Да ведь вы с самого начала знали, что он прячется у одной своей знакомой. Для нас нет тайн. Вы, наверно, вместе провели пару веселых дней?

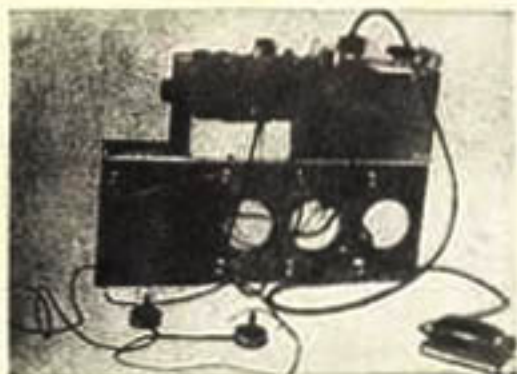
Я изобразил почтительное возмущение.

— Ну, хорошо, — сказал Клётц, — Может, это его инициатива. Верю вам.

— Кстати, как у него дела сейчас? — поинтересовался я мимоходом.

— Вчера центр связался с ними по радио. Там произошли какие-то разногласия между офицерами. Но мы отдали приказ, чтобы груп-

*Немецкая коротковолновая рация, изъятая у группы «Цепелин-зюд».*



па во главе с полковником Роденштоком беспрекословно подчинялась капитану Шварцбруку.

— Вы не опасаетесь, что их могут запеленговать? — спросил Мельцер.

— Это предусмотрено, — таинственно произнес Клётц. — Связь с группой поддерживает один русский, опытный радист, разумеется, наш агент. Абсолютно надежно!

Поговорив о разном, мы разошлись.

Так значит, Мишель действует! Значит, ему удалось стать своим человеком в группе. Но как? Известно ли нашей контрразведке о существовании «одного русского»?

У меня было в то время много работы. За всеми делами и не заметил, как прошла осень, наступила зима, последняя зима войны. Центр «Цепелин-зюд» исправно получал от своей

*«Ю-290», захваченный нашей контрразведкой.*



группы сообщения. Наступил момент, когда я помогал снарядить самолет «Ю-290», который должен был вывести группу в Германию уже из-под Черкасс, куда она прошла от Майкопа.

Многое из того, что произошло с Мишелем в группе, подчиненной центру «Цепелин-зюд», оставалось для меня загадкой до конца войны.

Сегодня я могу рассказать и об этом.

**СВОЯ РАССКАЗ ПОЛКОВНИК \*\*\* ПРОДОЛЖАЕТ НА ЗВУКОВОЙ СТРАНИЦЕ.**





Алма-Ата тридцатых годов. В краеведческом музее звучит старая итальянская скрипка. На кошке сидят дети. Слушают. И не понимают. Полное отсутствие музыкальных способностей.

Скрипач Михаил Кравец в отчаянии: «Ну, пойте!» Не понимают. По-русски не понимают. Кравец рисует. Ему улыбаются. Понимают! А на другой день не приходят на занятия.

Коран запрещает рисовать. Мулла повелел спрятать детей в горах под охраной «правоверных» басмачей. Кравец-



альпинист не отступает. Он поднимает на ноги акынов. Идет в горы на розыски.

Последствия этого восхождения удивительны. Учеников словно подменили. Постепенно у них обнаружили музыкальный слух, чувство ритма. Те качества, без которых не стали бы композиторами Куддус Кужамьяров и Капан Мусин, дирижером — Газиз Дугашев.

Чем же объяснить метаморфозу? Влиянием живописи. Рисунок открыл дорогу в мир звуков. «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать» — любимая поговорка Кравца.

К Михаилу Петровичу Кравцу идут, как к врачу. Диагноз: слуха нет, учить музыке нет смысла.

И он лечит, пользуясь созданной им азбукой...





## ПОМОГЛИ УСЛЫШАТЬ

— Это чудо! — заявил американский профессор Бронфенбреннер. — Закономерное чудо!

Педагог отказался от традиционной системы. От механического зазубривания нот, подобно зазубриванию таблицы умножения, когда ноты, как цифры, — ничего не говорящие символы. Педагог добивается физического ощущения звука. Душой, телом, всем существом слышит малыш.

На уроках Кравеца в Подольской музыкальной школе всегда много гостей. Это чаще всего коллеги Михаила Петровича. Они едут к нему из Сибири и Калифорнии, из Латвии и Болгарии. Секретов нет. Понять просто.

В. НЕКЛЮТИН  
Фото В. ШКОЛЬНОГО







## МУЗЫКАЛЬНЫЕ ЛУЧИ ПЛАНЕТЫ

# Традиции Вероны против урлатори



Название столицы одного из бывших итальянских княжеств вновь промелькнуло на страницах газет. На этот раз старушка Верона не стала центром событий решительных и ужасных. Монтекки и Капулетти спокойно спали в своих гробницах. Тибальды пили пиво в маленьких кафе. Пострадавших не было. Кроме урлатори. И нанесла это решительное поражение шестнадцатилетняя девушка Джильола Чинкуэтти.

Наверное, недаром в имени юной веронки слышится с детства знакомое имя — Джульетта. Как и ее далекая землячка, Чинкуэтти вышла «на бой», вооруженная непосредственностью и улыбкой. И победила.

Урлатори можно расшифровать так: «Для меня не обязательен голос; главное — легкие и энергичные телодвижения». Именно этот стиль стал ведущим и на проходившем фестивале итальянской песни в Сан-Ремо. Даже звезды эстрады Доменино Модунья, Робертино Лорет-

ти и Рита Павоне стали жертвами урлатори. Но получила заветную первую премию школьница Джильола Чинкуэтти, отказавшаяся от эффектных телодвижений. Традиции Вероны победили в Сан-Ремо, а затем и на Европейском конкурсе песни в Стокгольме.

**А. БЕЛОБРОВ,**  
собственный корреспондент  
Всесоюзного радио.

Р. И. М.



## ГДЕ ВЫ, ДЕВУШКИ НЕСМЕЛЫЕ?

Мы услышали песню «Текстильный городок» и невольно подумали: почему девушки тоску свою изливают только в песне, а сами держатся в стороне от ребят? Почему не едут к нам в Сибирь? Может, они холода боятся? Напрасно. Зима у нас в Томске не холодней, чем в Москве. А таких красивых мест не найдешь даже в ска-

зочной стране. Так приезжайте в Сибирь! Ждем вас, девушки несмелые!

**ХРЯЧКОВ, ГАНДУН**

Узнала о письме ребят, и мне стало обидно за девушек. Ну, почему парни пишут, что девушки боятся ехать в Сибирь? Не боимся мы! И едем. Пусть не называют девочек несмелыми.

**Аня ГОРОХОВА**

Самарканд.

Пачка таких писем попала композитору Евгению Птичкину.

С Евгением Николаевичем можно познакомиться,



посмотрев его автошарж. Итак, вы знаете композитора в лицо. Нам остается добавить,

что Евгений Птичкин любит писать для молодежи и о молодежи. Об этом он вам расскажет на восьмой звуковой странице.

## МОЯ ЛЮБОВЬ

**Иван ФЕДОРОВ**

Я в час короткого привала,  
когда гремел орудий шквал  
и степь огнями бушевала,  
волну донскую целовал.  
Минуя вербы и селенья,  
холмы прославленных могил,  
к родному дому по теченью  
мой поцелуй на волнах плыл.  
Его в ведре в станице  
несла невеста через дальней  
так осторожно, чтоб гать  
мою любовь случайно не расплескать.  
Хутор Веселый,  
Ростовская область.



На первой странице обложки: монтажники-верхолазы. Слушайте на второй звуковой странице песню А. Пахмутовой «ЛЭП-500».

Фото В. САККА.

На последней странице обложки: студентка ВГИКа Наташа Величко. Вам она знакома по кинофильму «Тишина».

Фото Е. УМНОВА.

Звуковые страницы изготовлены  
Всесоюзной студией грамзаписи  
Министерства культуры СССР

## РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ.

Адрес редакции: Москва, Пятницкая ул., 25.  
Телефоны редакции: В 3-74-42; В 3-74-59.

Б 03715. Подписано к печати 15/У 1964 г.  
Формат бумаги 84×108/16. бум. л. 0,5, печ. л. 1.  
Тираж 100 000 экз. Зак. 1437. Цена 1 руб.

Ордена Ленина типография газеты «Правда»  
имени В. И. Ленина



ТЕЛЕГРАФНОЕ  
АГЕНТСТВО  
«КРУГОЗОРА»

3-64



Рисунки  
ВЕДЕРНИКОВА



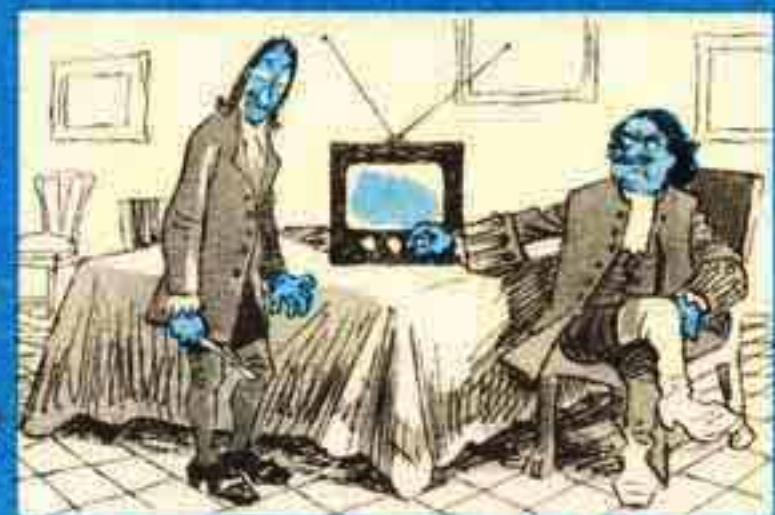
— «Да будет звук!» — сказал бог, вставив в Адама транзисторный приемник, и был удивлен первыми словами: «Слушайте беседу «Есть ли бог...»



Как спастись от надоевших мелодий — этот способ изобрел еще титроумный Одиссей.



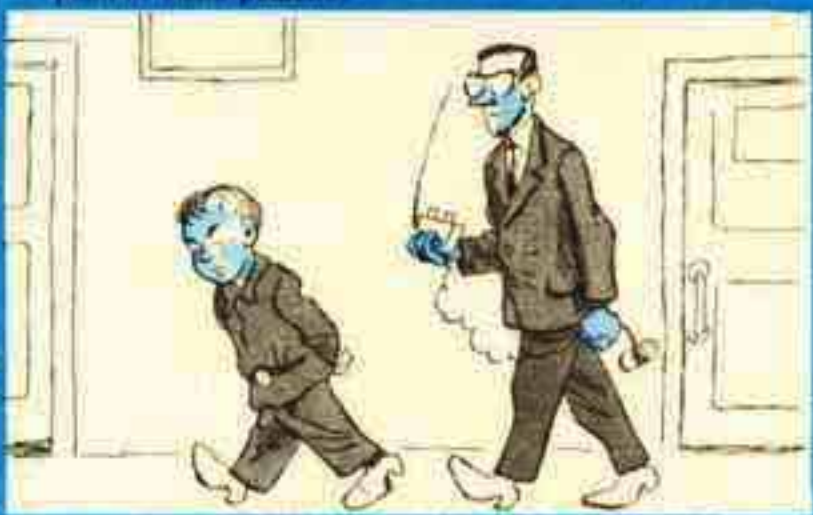
Запорожцы, долго редактировавшие послание турецкому султану, наконец решили: «А не послать ли нам звуковое письмо!»



«Звук эдак скверный», — сурово изрек Петр, послушав приведенную сыном новинку. Судьба царевича была решена.



«Автомобиль начинается с «кляксона», — решил в свое время изобретатель Даймлер.



«Эх, звук подвеса!» — сказал Петр Чижиков, конструктор карманного подвезика...





## СЛУШАЙТЕ НА ЗВУКОВЫХ СТРАНИЦАХ:

1. Новелла о Красной площади. Звуковая страница подготовлена нашим корреспондентом С. Зининым.
2. Александра Пахмутова: песни страны Лэни.
3. Космический дневник нашего корреспондента с послесловием Ю. А. Гагарина.
4. Экспромт разведчика. Окончание рассказа советского чекиста.
5. Войдем в дом Ильича.
6. Песня на вечерней заре.
7. Эрнст Буш — поющее сердце пролетариата.
8. «Где вы, девушки несмелые?» — спрашивает вокальный секстет. «Едут девушки!» — отвечает Маргарита Суворова.
9. Виолончель Лоренцо Сториони, искусство Ростроповича.
10. Самому юному дирижеру — два с половиной года.
11. Лирические песни Аркадия Островского на слова С. Острового и И. Шаферана: «Песня остается с человеком», «Возможно». Исполняет Нелли Андреева.
12. У вас в гостях победительница Европейского конкурса песни.

Художник В. Щапов.

Режиссер звуковых страниц  
А. Столбов.

Цена 1 руб.

ИЗДАТЕЛЬ: ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР ПО РАДИОВЕЩАНИЮ И ТЕЛЕВИДЕНИЮ

